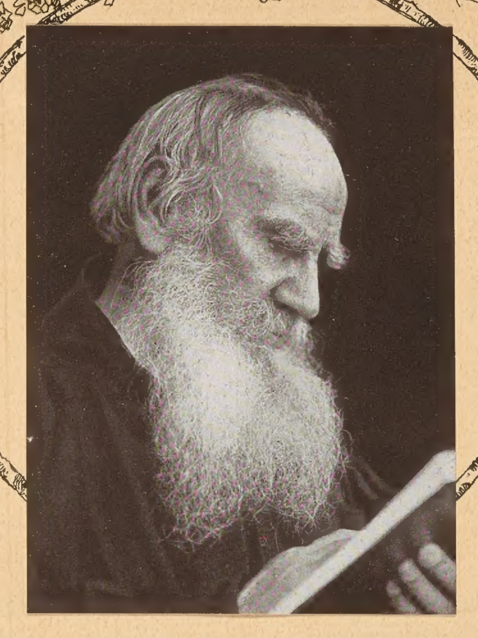

РУССКІЕ МУЖИКИ
КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА Н. ОРЛОВА
СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. Н. ТОЛСТОЙ.
СЪ ФОТОГР. В. ЧЕРТКОВА (1908).

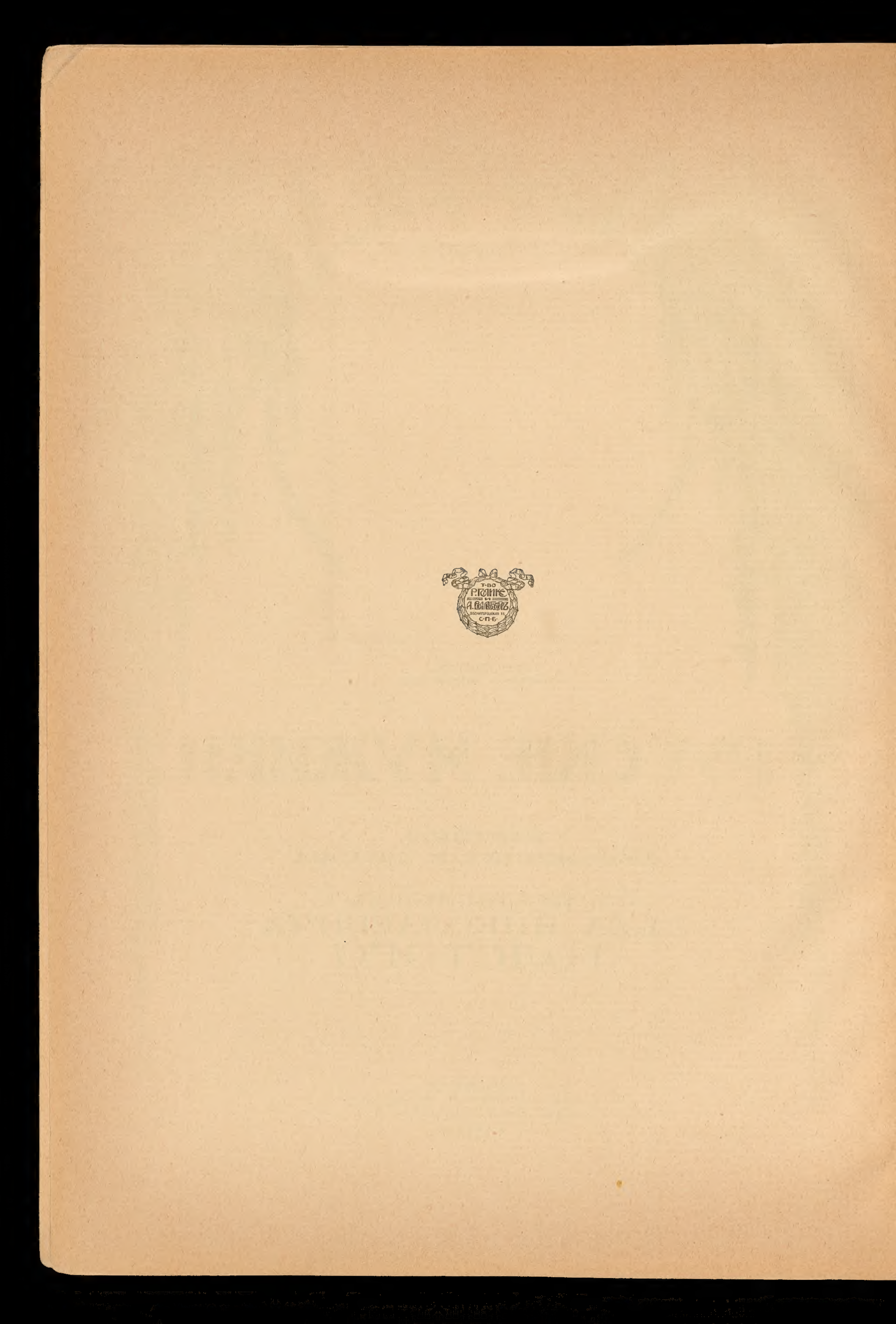
РУССКІЕ МУЖИКИ

КАРТИНЫ
ХУДОЖНИКА Н. ОРЛОВА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ТОЛСТОГО

А. Лео.

ИЗДАНІЕ
Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.
Спб., Звенигородская, 11
1909

Т-ВО
Р. ГОЛИКЕ
И
А. ВИЛЬБОРГЪ
ЗВЕНИГОРОДСКАЯ 11
С·П·Б·

ПРЕДИСЛОВІЕ

Л. Н. ТОЛСТОГО

КЪ АЛЬБОМУ

„РУССКІЕ МУЖИКИ“

Н. ОРЛОВА.

„Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить“.
(Мѳ. X, 28).

Прекрасное дѣло — изданіе альбома картинъ Орлова. Орловъ мой любимый художникъ, а любимый онъ мой художникъ потому, что предметъ его картинъ — мой любимый предметъ. Предметъ этотъ — это русскій народъ — настоящій русскій мужицкій народъ, не тотъ народъ, который побѣждалъ Наполеона, завоевывалъ и подчинялъ себѣ другіе народы, не тотъ, который, къ несчастью, такъ скоро научился дѣлать и машины, и желѣзныя дороги, и революціи, и парламенты со всѣми возможными подраздѣленіями партій и направленій, а тотъ смиренный, трудовой, христіанскій, кроткій, терпѣливый народъ, который выростилъ и держитъ на своихъ плечахъ все то, что теперь такъ мучаетъ и старательно развращаетъ его.

И любимъ-то мы съ Орловымъ въ этомъ народѣ одно и то же, любимъ въ этомъ народѣ его мужицкую смиренную,

терпѣливую, просвѣщенную истиннымъ христіанствомъ душу, которая обѣщаетъ такъ много тѣмъ, кто умѣетъ понимать ее.

Во всѣхъ картинахъ Орлова я вижу эту душу, которая, какъ въ ребенкѣ, носитъ еще въ себѣ всѣ возможности и главную изъ нихъ — возможность, минуя развращенность цивилизаціи Запада, идти тѣмъ христіанскимъ путемъ, который одинъ можетъ вывести людей христіанскаго міра изъ того заколдованнаго круга страданій, въ которомъ они теперь, мучая себя, не переставая кружатся.

Вотъ въ курной избѣ на соломенной постели умирающая женщина [1]). Смертная свѣча вложена въ ея холодѣющія руки, надъ нею съ торжественнымъ, покорнымъ спокойствіемъ стоитъ мужъ и подлѣ него въ одной рубашенкѣ плачущая худенькая старшая дочка. Бабка успокаиваетъ раскричавшагося въ подвѣсной люлькѣ новорожденнаго. Сосѣдки гуторятъ у двери. Картина эта производитъ на меня одновременно чудесное, возвышающее впечатлѣніе умиленной жалости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ни странно сказать, зависти къ той святой бѣдности и отношенію къ ней, которыя изображены въ ней.

Такое же возвышающее впечатлѣніе сознанія великой духовной силы народа, къ которому имѣешь счастье принадлежать, хоть не жизнью, а породой, производятъ на меня и другія двѣ одного же характера, всегда глубоко трогающія меня, картины: „Переселенцы" и „Возвращеніе солдата".

Не говоря уже о томъ, что картина отъѣзда переселенцевъ [2]), прощающихся съ остающимися, значительна по содержанію своему, въ живыхъ образахъ представляя намъ все

---

[1]) См. картину „Умирающая" (I).
[2]) См. картину „Переселенцы" (II).

то, что . . . . совершаетъ русскій народъ, заселяя и обрабатывая огромнѣйшія пространства, — картина эта особенно трогательна по лицамъ не одного только чуднаго старика на первомъ планѣ, но всѣхъ этихъ полныхъ движенія и жизни лицъ, какъ возбужденныхъ отъѣздомъ, такъ и недоумѣвающихъ остающихся.

Картину же возвращающагося солдата, я особенно люблю. Промаявшись годы на чужбинѣ, въ тяжелой, чуждой его душѣ солдатской службѣ, Пахомъ или Сидоръ, покорный сынъ, любящій мужъ, здоровый работникъ, дорвался, наконецъ, до свободы, до дому. И что же въ домѣ? Еще не доѣхавъ до дома, ему уже разсказали. Матрена его безъ него прижила ребенка.

И, вотъ, первое свиданіе: жена на колѣняхъ передъ мужемъ, ребенокъ—улика—тутъ же. Свекровь—бабьи счеты—подускиваетъ сына, поминая, какъ она говорила: смотри, Матрена, придетъ мужъ... Но старикъ, полный еще того христіанскаго духа милосердія, прощенія и любви, которымъ жилъ и живетъ еще въ своихъ лучшихъ представителяхъ русскій народъ, перебиваетъ визгливую рѣчь старухи и поминаетъ о томъ, что прекращаетъ всѣ счеты, всѣ обиды, всѣ злобы, поминаетъ о Богѣ, и всѣ счеты кончены и все развязано.

Какъ ни больно сыну, какъ ни чувствуетъ онъ себя оскорбленнымъ, какъ ни хотѣлось бы ему выместить женѣ за свой стыдъ, онъ — сынъ отца, и тотъ же духъ Божій, духъ милосердія, прощенія, любви живетъ въ немъ, и духъ этотъ пробуждается, и онъ — въ своемъ столь чуждомъ испытываемому имъ чувству солдатскомъ мундирѣ — махаетъ рукой и испытываетъ умиленную радость прощенія.

— Богъ проститъ, вставай, Матрена. Буде.

Также важны и прекрасны и остальныя шесть картинъ. Я выдѣлилъ эти шесть картинъ отъ первыхъ трехъ только потому, что, кромѣ одинаковыхъ чертъ, общихъ всѣмъ картинамъ, въ этихъ представлены еще въ живыхъ образахъ тѣ соблазны, то развращеніе, съ которыми приходится бороться христіанской душѣ русскаго народа, и съ которыми она еще борется и не поддается.

Картины эти особенно привлекательны именно тѣмъ, что выражаютъ эту борьбу, не рѣшая вопроса о томъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Пойдетъ ли весь народъ по тому пути душевнаго и умственнаго разврата, на который зоветъ его такъ называемая интеллигенція, желая сдѣлать его подобнымъ себѣ, или удержится онъ на тѣхъ христіанскихъ основахъ, которыми онъ жилъ и въ огромномъ большинствѣ живетъ еще и до сихъ поръ.

Картины этого рода, во-первыхъ, та, гдѣ староста, придя за податями къ одинокому бѣдняку, только что пришедшему съ работы, стоитъ надъ нимъ, дожидаясь отвѣта.

Отвѣтъ даетъ только старикъ, независимо отъ всякихъ соображеній . . . . говоря о Богѣ и о грѣхѣ обиранія трудящагося, еле-еле кормящаго свою семью работника. Особенно трогательны на этой картинѣ, кромѣ самого хозяина, покорно опустившаго голову, хозяйка, стоящая надъ только что собраннымъ столомъ, отъ котораго ихъ всѣхъ оторвали, и ребенокъ, съ недоумѣніемъ и сочувствіемъ смотрящій на разгорячившагося дѣда.

Таковы и остальныя пять картинъ этого разряда, изображающія борьбу добра со зломъ, въ которой со стороны зла уже участвуютъ начинающіе развращаться и вполнѣ развращенные люди изъ народа. Такова картина: „Недоимка“, изображающая продажу у вдовы кормилицы

дѣтей — коровы. Богатый деревенскій кулакъ покупаетъ и старшина продаетъ, староста записываетъ. Такова же полная содержанія картина изловленія вдовы, кормящейся корчемствомъ и этимъ нарушающей доходъ казны, и замѣчательная и по живописи, и по тонкости, и точности выраженія мысли, и по вѣрности типовъ — освященіе монополіи. Такова же отвратительная по содержанію картина тѣлеснаго наказанія.

Во всѣхъ этихъ картинахъ, кромѣ того вѣрнаго изображенія неиспорченнаго еще русскаго народа, которое составляетъ главное содержаніе всѣхъ картинъ, изображены представители и той части этого народа, которая, развратившись уже сама ради своихъ выгодъ, хочетъ развратить своихъ еще неразвращенныхъ братьевъ.

Староста, пришедшій за податями къ недоимочному крестьянину, еще не потерялъ связи со своими братьями, и очевидно, страдаетъ за собрата и за свое участіе въ этомъ дѣлѣ.

Отъѣвшійся же старшина въ картинѣ, гдѣ уводятъ корову, уже совершенно спокойно исполняетъ свою жестокую обязанность; и, только заботясь о своей выгодѣ, покупаетъ корову кулакъ. Въ картинѣ изловленія корчемницы, и урядникъ, и старшина, и писарь, не смущаясь, дѣлаютъ свое дѣло и даже одобрительно смотрятъ на ловкость ряженнаго. Только старикъ, представитель души народа, нарушаетъ это общее удовольствіе своимъ смѣлымъ словомъ.

Въ картинѣ монополіи, не говоря уже о толстомъ, огорченномъ лишеніемъ своей торговли кабатчикѣ, поразителенъ мужикъ, такъ явно лицемѣрно крестящійся на иконы, и тотъ оборванецъ, который несвоевременно лѣзетъ въ дверь того заведенія, которое довело его до его положенія и такъ успѣшно развратило и развращаетъ . . . . большую часть народа.

То же и въ картинѣ тѣлеснаго наказанія. Всѣ лица, кромѣ молящагося за грѣхи людей старика и недоумѣвающаго передъ жестокостью людей мальчика, уже доведены до того, что дѣлаютъ свое постыдное дѣло, какъ что-то нужное и должное.

Послѣдняя же картина, въ себѣ одной выражающая все то, что сказано въ этихъ шести, особенно и сильна и страшна тѣмъ, что самымъ простымъ и понятнымъ способомъ изображаетъ то, что лежитъ въ основѣ того развращенія, которому подвергается народъ, и ту главную опасность, которая предстоитъ ему.

. . . .

. . . .

. . . .

Все это изображено въ картинахъ Орлова. И потому мнѣ кажется, что я не напрасно люблю ихъ.

Картины эти указываютъ намъ на ту опасность, въ которой находится теперь духовная жизнь русскаго народа. А понять опасность тамъ, гдѣ не видалъ ее, уже шагъ къ избавленію отъ нея.

26-го Іюня 1908 года.
Ясная Поляна.

УМИРАЮЩАЯ.

На соломенной постели лежитъ умирающая женщина со смертной свѣчой въ рукахъ. Надъ нею стоитъ, въ покорномъ раздумьи, мужъ. Подлѣ него плачетъ, понуря голову, старшая дочь. Бабка успокаиваетъ новорожденнаго ребенка въ люлькѣ. Возлѣ—реветъ младшая дочка. Кумушки горюютъ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Уѣзжаютъ старикъ, старуха и два ихъ сына съ дѣтьми. Ихъ пришли проводить родственники. Старикъ стоитъ одинъ въ глубокомъ раздумьи. Сзади его старуха и ея дочь, обнявшись, прощаются. Еще позади ихъ—остающійся тесть одного изъ уѣзжающихъ братьевъ читаетъ внуку на прощанье наставленіе. Слѣва, впереди—теща одного изъ братьевъ сидитъ на лавкѣ, прижавши къ себѣ уѣзжающихъ внуковъ. Справа, братья-переселенцы убѣждаютъ своего зятя послѣдовать за ними. „При чемъ тутъ жить-то?"—говорятъ они—„земли мало"...

СО СЛУЖБЫ.

Вернувшійся со службы солдатъ узнаетъ, что безъ него жена его прижила ребенка. Она становится на колѣни передъ мужемъ и проситъ у него прощенія. Незаконный сынъ жмется къ ней. Испугавшаяся законная дочь отошла къ печкѣ. Сердитая свекровь позоритъ бабу. Но старикъ свекоръ отстраняетъ рукой старуху. Кругомъ—родственники и сосѣди. Солдатъ, сначала готовый вспылить, вспомнилъ о Богѣ и, махнувши на все рукой, прощаетъ свою бабу.

СЪ РАБОТЫ.

Мужикъ вернулся съ отхожаго промысла. Жена вскипятила чайку. Староста уже пришелъ за податями и кладетъ въ свой кошелекъ послѣдній заработокъ бѣдняка. Мужикъ задумался. Испуганныя дѣти прижались къ отцу. Старикъ отецъ упрекаетъ старосту въ томъ, что не по-божьи поступаетъ.

НЕДОИМКА.

У бѣдной вдовы продаютъ за недоимку корову. Богатый деревенскій кулакъ покупаетъ. Старшина со старостою принимаютъ деньги. Подручный накидываетъ петлю на коровенку, которая безпомощно мычитъ. Баба плачетъ. Дѣтишки испугались.

ШИНКАРКА.

Бѣдная вдова-шинкарка подала незнакомымъ посѣтителямъ водку. Они оказались ряженными. Становой, распахнувъ нарядъ, показываетъ свой мундиръ. Пойманная баба заплакала. Урядникъ въ пальто, откинувъ тулупъ, передаетъ понятому протоколъ для подписи. Старикъ выходитъ, укоряя станового, который, обернувшись, кричитъ на него. За становымъ стоитъ, призадумавшись, староста. Ему стыдно.

МОНОПОЛІЯ.

Освященіе кабака. Священникъ, отслуживъ молебенъ, обратился къ присутствующимъ съ рѣчью. Пропившійся баринъ, будущій продавецъ казеннаго вина, благодаритъ батюшку за пожеланія. Барыня ему вторитъ. Отецъ діаконъ также желаетъ всего хорошаго. За барыней—урядникъ, за нимъ—старшина. Вправо отъ барина старикъ крестится на иконы. Еще правѣе—ожирѣвшій бывшій кабатчикъ, надъ которымъ подтруниваютъ стоящіе позади мужики. Слѣва, въ дверь слишкомъ рано врывается пропойца. Его останавливаетъ староста.

ПОРКА.

Въ глубинѣ сарая два мужика держатъ лежащаго осужденнаго. Пороть поручили недорослому дурачку, который, предвкушая удовольствіе, машетъ розгами. Вбѣжавшій мальчикъ съ ужасомъ смотритъ, что будетъ. Старичекъ, крестясь, уходитъ изъ воротъ. Впереди стоитъ старшина. Ему совѣстно, онъ отвернулся.

„ХРИСТА РАДИ“.

Священникъ, объѣзжая свой приходъ, чтобы собирать новый хлѣбъ, входитъ, опыленный мукой, къ бѣдному мужику. Баба насыпала ковшъ муки къ нему въ мѣшокъ. Вошли нищіе. Дѣвушка ихъ отстраняетъ, говоря: „Ступайте, Богъ подастъ“.

Складъ изданія:
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.
Спб., Звенигородская, 11.